

Zwölf Tage im Ausland¹

Дождь за окном шёл все сильнее, капли воды изменяли направление полёта в порывах танцующего ветра, выбивая частички пыли из асфальтовых трещин и из мест соединения тротуарной плитки. Люди нервно шли домой после работы, в легких летних одеждах, поёживаясь в охлажденной атмосфере водяных струй, ссутулившись и прячась за тонкой перепонкой зонтов.

Три года назад такой же ливень застал нас по дороге во Франкфурт-на-Майне, с той лишь разницей, что укрытием служила черная Audi 80, несшаяся по отполированному автобану со скоростью 120 км/ч, в которой сидел на заднем сиденье автор этих строк в «плёну» двоих потомков племени Отто фон Бисмарка, Иоганна Гёте, Иммануила Канта, и писал на коленях воспоминания, вдохновленный дальним видом лесов, раскинувшихся вдалеке, и пышными гривами холмов, обросших темно-зелёными мохнатыми елями. От них шёл густой пар, напоминавший дым лесных пожаров, и долгое время казалось, что деревья и в самом деле горят, что где-то там лежит могучий и ужасный дракон, готовый подняться в небо и принести опустошение и смерть в этот дивный и спокойный край, но это было не так: высокая жара и влажность «туманили» горизонт и воображение путешественника, уже готового разбудить спящих товарищей.

В этот не менее жаркий июньский вечер вспоминается всё, что мы пережили там, замечательное времяпровождение в этой стране и уклад другой жизни, который мы видели, часто внутренне конфликтующий теперь с некоторыми особенностями российского бытия...

18 июня die Abfahrt²

Даже не верится, что эта поездка состоится. Окончательно поверю, когда мои ноги почувствуют твердую заграничную землю и распалённые после полёта ноздри вдохнут серую европейскую пыль, забивающую в нервных окончаниях ощущения остатков перегара отечества. До отправления «Соловья» ещё есть несколько минут – самое время расцеловать родителей, без которых этот вояж был бы невозможен.

Настроение было прекрасное, даже у волновавшихся мам, от которых последовало тихое трогательное напутствие беречь их дочек, на что им было дано обещание вернуть их точно в срок целыми и невредимыми.

Сумерки густеют, наливаясь черной венозной кровью горизонта. Московское время 22 часа 15 минут. Поезд нехотя отталкивается от стальной полосы рельс и под энергичные взмахи ладоней уезжающих и остающихся трогается в путь.

19 июня Dortmund-Aplerbeck, Aller straÙe

Воскресенье разбудило и поздоровалось на верхней полке без двадцати семь, а в 7:05 поезд остановился на перроне Курского вокзала. В Москву я попал впервые, и было интересно, какая она. Деловито загружаемся в метро, доезжаем до нужной станции, выплываем из подземной утробы на божий свет, как корабли, освобождённые Мюнхгаузеном из чрева огромной рыбы. По убеждению руководителя нашей делегации мы должны были попасть к 10:30 в Шереметьево-2 на регистрацию. Автобус, длинный как руки основателя Москвы, вёз нас около часа, и за это время можно было составить первые впечатления о столице нашей Родины. Они оказались хорошими – очень-очень большой город, красиво перевязанный лентой реки с одноименным названием, насыщенный автомобильным движением и пестрой расцветкой многочисленных рекламных щитов и плакатов.

Добрались до пункта назначения с большим запасом времени и начали переживать, что придётся долго ждать, а зря! Никогда ни в чём не будьте уверены в России, и ни в ком, особенно в начальстве. Выяснилось, что самолёт должен расправить свои гордые

¹ Двенадцать дней за границей (нем.).

² Отправление (нем.).

жилистые титановые крылья и отделиться от взлётной полосы аэропорта... в Домодедово. Спустя три года я не понимаю, как можно было сесть в калошу таким образом, и, вероятно, не пойму никогда. Оплошность Негг майора обошлась недёшево – примерно 10 евро с человека. Длинная многоместная машина небесных тонов рево и почти бесшумно понесла смешариков по кольцевой, опоясывающей город, как гигантское лассо. Коллекция позитивных впечатлений от Первопрестольной пополнилась значительно.

Изрядно поволновавшись, преодолев не менее 100 км расстояния до теперь уже точно нашего аэропорта, пройдя процедуру регистрации рядом с табором граждан, улетающих в солнечный Ереван, будучи обласканными нежными и чуткими руками проверяющих служб, мы очутились на борту самолёта ТУ-154 авиакомпании «Сибирь», а точнее в афедроне этого лайнера, в метре от туалета.

Это был мой первый полёт (ещё много чего произойдёт в первый раз), и я волновался, что укачает, и очень прилично, потому как после пяти минут на каруселях становлюсь зелёный, до такой степени, что явно не потерялся бы среди инопланетных жителей нашей бескрайней Вселенной, соблаговоли они лететь с нами в Дюссельдорф или любую другую точку земного шара. Мама дала мне таблеток для противодействия этому синдрому, но я их забыл в сумке, которую сдал в багаж, и ждал путешествия через тропосферу с отрешенностью от мира Гаутамы.

Прикольно было при разгоне самолёта: от быстрого мелькания травы, обрамляющей лысый череп бетонки и тонких морщин самой полосы, от всепоглощающего гудения турбин, которые в своё время пытался заглушить летящий из будущей столицы зимней олимпиады старик Хоттабыч, предчувствуя, что с таким шумом нас перестанут пускать через воздушные коридоры Европы.

Воздушная колесница легко оторвалась от земли и понеслась на серебряные магистрали облаков, заполняя эфир последних мычанием тысяч и тысяч коров, эквивалентным напряжению необходимого количества лошадиных сил.

Летели около трёх часов. Иллюминатор постоянно заволакивала густая белая вата облака. Рядом сидел кореец, китаец или японец (спрашивать, откуда он, было неудобно), с черным дипломатом, погруженный в чтение каких-то важных для него бумаг с причудливым сочетанием латинских букв, заключенных за решётку табличных камер. Деловой человек, однако. Принесли обед, входящий в стоимость авиабилета. С собой были бутерброды с жирной бордовой колбасой, с плавающими в мясном океане льдинами сала, пахнувшей так аппетитно, что ноздри малайца непроизвольно зашевелились. Предложил ему разделить трапезу, он заулыбался, как одинокая девушка, которой неожиданно подарили букет роз, но отказался и сосредоточенно уничтожил свой обед, а я последовал его примеру.

Прилетели. Все формальности прошли намного быстрее. Первое попадание за границу показывает тебе, как ты одинок, слаб и зависим на чужой территории, когда не знаешь, куда пойти, не понимаешь, о чем говорят все вокруг, когда нет вообще ничего, к чему ты привык дома! Ты – вошь в лабиринте незнакомых улиц, домов, движущихся тел. Зато теперь можно с уверенностью сказать - свершилось! Мы здесь!! Урра-а-а-а!!!

Никого нет из тех, кто должен был нас встретить, и очень бы хотелось узнать хоть у кого-нибудь, где же пресловутая немецкая дисциплина? Только позже, по прошествии большого количества времени, станет понятно: люди похожи по своей природе, хотя есть определённые отличия в культуре и менталитете, но коренное, общее, человеческое у всех одно. От опоздания вмиг повеяло русским духом, и стало тепло, как дома.

Погуляли по магазинам в аэропорту. Пицца относительно наших цен дорогая – жалкая булка стоит около 1,25 евро, и это тогда, в 2005-м без неумных темпов роста инфляции, цен на черное золото и ипотечных кризисов. Книжные магазины похожи на наши: полки книг с бестселлерами и попсой на самых видных местах, а дальше все остальные, подогнанные по тематике. Из газет и журналов много спорта (Bild, Kicker), и эротики, на глянцевых обложках – аппетитные дамочки в костюмах Евы с каплями воды на мраморных бюстах, и ножками, обтянутыми колготками в черную сеточку, постоянно мелькают перед глазами. Быть может, у них новая сексуальная революция?

Вернулся к своим. Наконец-то приехали наши заграничные друзья, в чьи дома мы войдем как гости – те, кто будет о нас заботиться все эти дни. Тепло поприветствовали друг друга. Наш хозяин Патрик (действительно хозяин, куда мы без него?) крупногабаритен, как и многие немцы, по крайней мере, таких засушенных «гераклов», как я сам, да и большинство членов делегации российских студентов (ну нет у нас «фаст-фудов»!), видел в Германии мало. Его рост где-то пять футов и одиннадцать дюймов, вес примерно 180 фунтов. Темные коротко остриженные волосы, очерченные, но не выделяющиеся брови, зеленые судя по всему глаза (я не присматривался к ним там и не помню их цвета – на фотографиях они везде красные, а на части из них – красные в зеленой окантовке), между которыми удобно расположилась кнопка носа, соответствуя фамилии Knopf. Он был одет в зеленую футболку и потертые как в известной песне джинсы и обут в фирменные кроссовки Adidas. Лицо его было приветливым, а взгляд светлым, соответствуя характеру приятного и доброго по жизни человека, каким он и является на самом деле.

Машина припаркована в многоэтажном гараже-лабиринте, какие я раньше видел только в американском кино: блестящая черная Audi 80, без сомнения – поддержка отечественного производителя.

Мы едем домой, над дорогой много указателей, чего не скажешь о... не стоит подвергать нервные клетки риску скоростной, на кого ж ты меня оставляешь гонимой гонимой в постоянных сравнениях с домом. Допустимая скорость 120 км/ч, и колеса машины заглатывают одну из четырех полос автобана, раскаленного шинами и солнцем, на котором невозможно выехать на встречную полосу, отгороженную метровыми барьерами.

Жить будем не в Бохуме, как я думал поначалу, а в Дортмунде, что ещё лучше, поскольку это крупный футбольный центр Германии, и одно это вызывает сладостную дрожь предвкушения у футбольного болельщика. Санта-Мария, я его вижу! Это Westfalen stadion, гордо сверкающий в солнечных бликах своей гигантской чашей, которую поддерживают огромные желтые стальные конструкции, напоминающие лапы исполинского паука. Семидесятитысячник, на зеленом и безупречно ровном поле которого, будут играть матчи чемпионата мира по футболу!³

Стадион находится на окраине города, и к нему ведет отдельная извилистая, как тонкая кишка, дорога. Мы въезжаем в город, погруженный в сонную спячку уикэнда, а он встречает гостей пустыми чистыми улицами и домами, окутанными бахромой цветущих палисадников. Опрятные стены домов, заборов, переходов украшены макиажами граффити, в которых оживают затейливые сюжеты и персонажи, и повсюду улыбается Анджелина Джоли, проносющаяся в сотнях одинаковых постеров, вызывающих рябь в глазах.

Дорога заняла около часа. Приехали в тихий благоустроенный район, основу которого составляют маленькие домики, отделанные в европейском стиле, полускрытые вуалью палисадников и цветочных кип. Открываем белую деревянную калитку и попадаем на зеленую ухоженную лужайку, совершенно круглую, перевязанную узенькой дорожкой из мелких камешков, отдельная артерия от которой ведет прямо к дому, выложенному двухэтажной кирпичной кладкой коричневого цвета с белыми прожилками цемента. Глаза пластиковых окон приветливо распахнуты, над ними аккуратно уложена сиреневая челка ребристой черепицы, из которой выбивается на макушке непослушный мелированный хохолок трубы. Home sweet home.

Всего в доме три этажа, один из них подземный. Нас с Максом (мой сосед) поселили на втором, где, помимо нашей комнаты, имеется ещё столовая, плавно переходящая в научный кабинет Патрика. Наверх ведет крутая полувинтовая лестница, в основании которой стоит высокая деревянная статуя жирафа на африканский лад, а в

³ Год спустя там пройдет полуфинальный матч Германия – Италия и немецкая сборная, ни разу в своей истории не проигрывающая на этом поле, потерпит в напряженнейшем по накалу поединке поражение в овертайме 0:2. Италия выиграет затем чемпионат мира, к большой радости автора этих строк болеющего за «скауэру адзурру» с детства, хотя после этого вояжа доля симпатий достанется и немцам (Прим. авт.).

нишах стен помещены такого же типа темно-коричневые фигурки. С правой стороны в стену вбуравлены евросветильники, освещающие полёт навёрх в ночи, а слева для устойчивости приспособлены перила из покрытых лаком бамбуковых стеблей. Широкие и не скрипучие ступеньки словно приглашают вас навёрх, в комнату. Она небольшая и уютная, в обрамлении серых пушистых обоев, прикрытых у одной стены плетёным шкафом (много плетеной и деревянной мебели в новом доме, очень красиво создающей природную атмосферу, весьма в тоже время, пожароопасную), рядом с которым распустила роскошные локоны пальма в полуметровом в диаметре горшке. Возле него гармонично расположилось бамбуковое кресло-качалка. Единственная большая кровать блаженно распрямила спину под пластиковым окном, пропускающим яркие солнечные лучи, и компактно уселась на полу тумбочка с большими электронными часами-радио, пульсирующими 60 раз в минуту.

Быстро переоделись, приняли душ и спустились посмотреть шикарный сад за домом. Каких там только нет растений с разнообразной формой и розеткой листьев, неповторимой расцветкой экзотических цветков, с проскальзывающими ландшафтами различных стран мира! Посередине располагался бассейн с циркулирующей водой, в аквасистеме которого плескались, веселясь от души, японские карпы с оранжевыми и красными кляксами на белой чешуе, величиной с предплечье среднего человека, открывая круглые рты и сверкая голливудскими улыбками.

Перед этим успели подарить свои скромные подарки: коньяк, водка, матрешки, курские шоколадные конфеты и дяконовские глиняные игрушки. Хочется от всей души пожелать человеку с таким домом и садом никогда не знать, что представляет собой это богом забытое место и что это вовсе не знаменитая Хохлома из Гжели...

...Вечер. В Бохуме для нас запланирована вечеринка у Хайки, которая живет в старинном доме позапрошлого века. Дом прекрасно сохранился внешне, и внутренне обставлен в стиле модерн. На зеленой, недавно выстриженной лужайке ждал гостей длинный стол со всякими вкусностями в виде пряных запечённых булочек, загоревших почти до черноты сосисок, салатов и множеством (о, боги, наконец-то) бутылок немецкого пива, оказавшегося очень приличным, сопоставимым с нашими лучшими марками. Ужин был великолепным, как и атмосфера общения – раскованная, непринужденная и дружественная. Человек, готовивший еду (судя по всему, муж Хайки), вынес гитару, расстроенную в хлам, и мне пришлось её настраивать и петь, что я всегда делал безобразно, но поскольку, во-первых, выпитое пиво давало о себе знать, а во-вторых, было неудобно отказывать хозяевам, устроившим такой роскошный вечер, то выложилась по максимуму, эквивалентному сносному минимуму для хорошего артиста. Понравиться это могло, при всём уважении к себе, только пасущимся за забором лошадям, но политкорректные окружающие были благодарны и рады.

Когда ехали домой, было уже очень темно. До Дортмунда около 25 километров, и для хорошей машины это не расстояние. До пригорода Aplerbeck, где нам выпало жить и творить, доехали минут за двадцать. Приняли холодный душ и завалились спать, переваривая события насыщенного дня, полного впечатлений и неожиданностей. Нежно улыбалось в окне звёздное небо, и седовласый Морфей раскуривал трубку сна...

20 июня Ruhr Uni Bochum

Рассвет. Маленький ребенок радиобудильника проснулся на тумбочке и тоненько пищал, прося порцию ласки человеческой руки. Нас ждала насыщенная рабочая и культурно-развлекательная программа, расписание которой мы получили вчера в личном конверте, вместе с дополнительными проездными билетами на трамваи и автобусы, талонами на посещение столовой и 40-ка евро на личные расходы.

Перед завтраком заскочил в ванную, в которой гордая и неприступная красавица колонка не склонилась на уговоры и ухаживания заграничного гостя, одарив его душем холодной воды безо всякого намека на внутреннюю теплоту, но он не потерял надежды на улучшение отношений, проявив стойкость и выдержку, и она спустя пару дней растаяла, став благожелательнее и добрее, а главное – добавив десяток-другой градус в их

отношения.

В длинной и узкой столовой, одетой в белые обои с зелеными вкраплениями, тихо тосковал без нас завтрак на овальном столе. Напротив него стояла большая кухонная стенка со слившемся с ней в любовном экстазе холодильником, готовым в любой момент обеспечить дополнительную порцию еды. Тянуло ароматом натурального черного кофе из кофемолки, самого что ни на есть настоящего и бразильского. Хлеб, сыр, колбаса, нарезанные с ювелирной точностью на равные куски (интересно, где так ровно режут?), ждали своего часа в тонких полиэтиленовых пакетах, так что населению дома, страдающему утренним голодом, оставалось соорудить из них архитектурную пищевую конструкцию и моментально её уничтожить. В небольшие фарфоровые чаши ворвались мюсли («птичий корм») и были залиты молоком коров, пасущихся на горных альпийских лугах под сладкоголосые свирели пастухов. Дорога предстояла дальняя, поэтому Патрик кинул в рюкзак сырье для изготовления бутербродов, шоколад и пудинги, а также несколько бутылок колы для питья. В большом аквариуме под окном со стеблями экзотических растений большие богомолы, интенсивно жуя длиннопалые листья, желали нам удачи в нелегком труде.

Держим курс на Weissenstein – место дислокации буковых лесов близ города Nagen. Опоздали, попав в пробку на запутанных лабиринтах дорожных развилки, выбравшись только с помощью многочисленных указателей, оставленных на карте заботливой Ариадной современности.

Спешно идем через лес на гору, и в этот день нам суждено намотать приличный километраж. Навстречу спускается группа студентов, около сорока человек, среди них улыбающиеся наши девчонки и мрачный, как грозовая туча, Негг майор. Их полевая практика на природе не сильно отличается от таковой в России: профессор и его ассистенты находят растение и рассказывают о нём на немецком естественно языке, а непонятные места, то есть почти всё, на English переводит Патрик. Студенты передают растения друг другу и изучают, слушая рассказ. Дали посмотреть и мне. Рассматриваю с глубокомысленным выражением лица сей *rastenicus*, похожий на чахлую ромашку, и понимающе киваю, передавая его другому заинтересованному лицу.

Лесная горная тропа, закрученная в нескончаемую спираль, манит и зовет вверх. Сквозь проплешины лесных массивов врываются палящие лучи солнца, заболевшего гриппом, и прогревающего почти до сорока градусов тепла воздух. Попутно останавливаемся и продолжаем научную деятельность, причем значительная часть немцев пишет за профессором каждое слово, а часть валяет дурака. Глаза сканируют пространство, изучая на досуге незнакомые женские лица. В любой стране мира есть красивые девушки, и несколько представительниц этой изумительной когорты прочесывают растительный ковер наравне со всеми, опровергая сложившиеся в России стереотипы. В свободной одежде без обтяжки, разрисовки и шпилек они сохраняют свою привлекательность, если судить беспристрастно, ничуть не хуже наших красавиц, хотя количественно мы вне конкуренции безо всякого сомнения...

Вскоре дошли до вершины. Под ногами раскинулся небольшой очаровательный город, названия которого я не знаю. Сделав шаг вперед, ты скатишься с высоты двухсот метров в дышащие на ветру дома, прижатые атмосферным давлением к земле. Группа располагается на полевой обед, невзирая на угрозу клещей, жаждущих живого корма и страдающих от болей в желудке не меньше, чем мы, и принимается облегчать замученные тяжестью рюкзаки.

После импровизированного пикника заполнили бланки отчета. Я пристроился за спиной привлекательной и старательной студентки по имени Anita – сначала довольно скромно, испытывая некоторую неловкость и сомнение. Она быстро все поняла и развернула для удобства запись, так что стало гораздо легче на душе. Попутно пообщавшись с ней на общие темы и поблагодарив, сдал свои бумаги начальству. Рабочая экскурсия окончена, держим путь в главный храм образования этого региона...

Рурский университет занимает большую площадь: один ботанический сад раскидывается на тринадцать гектар; плюс такое же количество многоэтажных корпусов,

располагающихся на почтительном расстоянии друг от друга, соединенных многочисленными мостами переходов; плюс главная университетская библиотека, хранящая более миллиона книг и не меньшая, чем наша областная «Асеевка»; плюс столовая, студенческий клуб и торговый центр; плюс гаражи и парковки для машин; плюс обрамляющие все это брови природных ландшафтов. Они включают в себя небольшой водоем с осокой по краям и желтыми цветущими кувшинками, между которыми резвятся довольные жизнью японские карпы.

Здесь обучается в общей сложности около тридцати пяти тысяч человек. Биологический факультет вмещается в девять этажей здания. Кафедра ботаники занимает несколько из них. Длинные узкие и разветвленные коридоры, чистые и аккуратные полы, на которые можно свободно садиться – без риска угодить в плевки и жвачку. Свисают с потолка трубы со струящейся в их жилах водой. Массивные двери открываются в обе стороны. С их помощью можно готовить спортсменов для гребли и старину Рокки Бальбоа для очередного боя.

Аудитории обставлены всем необходимым и современным оборудованием, компьютеризированы и способны вмещать большую группу студентов. Мы разместились в одной из них, нам дали новые листы с какими-то данными, которые следовало обрабатывать, что мы и делали по уже проверенному способу, и наивно казалось, что никто ничего не заметит. А может, это военная хитрость, чтобы мы ближе общались с этими ребятами, чтобы нам легче было сделать первый шаг? Они очень раскованные и непринужденные в общении на самом деле, и проникновение в незнакомую культуру и быт очень важно, потому что помогает понимать, уважать и принимать чужой уклад жизни, их мировоззрение, а у них многому стоит поучиться, хотя бы в отношении человека к человеку и к природе родного края.

21 июня Kamnader Stausee

Проснувшись рано утром, мои глаза встретились с синими глазами неба, смотрящими из-под золотистых век штор под прямым углом. Будильник ещё не успел натикать до критической точки и заплакать. Странно, что не хочется спать после вчерашней вечеринки, затянувшейся допоздна на Bermuda straÙe, настоящем бохумском Бродвее, который связывает четыре квартала: латиноамериканский, испанский, итальянский и немецкий. Многие студенты университетов работают по вечерам на летних площадках официантами за 6 евро в час. Мимо столиков шла огромная толпа людей, многие в национальных одеждах, говорящая на разных языках, и всем было хорошо друг с другом, в воздухе витало ощущение праздника окончания рабочего дня, радости и удовлетворения жизнью. Звезды, готовые невзначай упасть в стакан с мороженым, растаявшим от теплоты, доброжелательно подмигивали вслед...

...Амфитеатр лекционной аудитории действительно походил на арену, с настоящим театром его роднила атмосфера высокой культуры, заключенная в полумрак. У дальнего края сцены стояли три стола, объединенные в один, с белыми ящиками на внутренней и внешней стороне. К левому и правому столам, сверкающим полированной коричневой макушкой, была подведена вода, через трубы, идущие от пола, а на центральном склонила голову кафедра, подперев двумя тонкими стальными креплениями деревянные щёки. За демонстрационным столом висели четыре доски, развернутые где-то в пятиметровую длину, а над ними навис большой проекционный экран, на котором, сменяя друг друга, распускали цветы экзотические и эндемические группы растений, пленяя и очаровывая окружающих красотой планетарной флоры.

Перед лекцией их студенты весело жевали чипсы, пили воду и бурно общались друг с другом. Они любят сидеть на порожках, земле или просто университетском полу и не считают нужным стоя поприветствовать своего профессора, немного смахивающего на офицера SS в советском кинематографе.

Лектор сосредоточенно диктовал, слайды проносились один за другим как привередливые кони «вдоль обрыва по-над пропастью», и несколько десятков рук, среди которых я различил Анитину, вели кропотливую работу. Я же в это время запечатлевал

увиденное за эти дни в тетради на русском языке.

После лекции направились в столовую, перед входом в которую раскинулась большая зеленая лужайка с остриженной под бокс травой. На неё можно садиться, не опасаясь битых стёкол и собачьих какашек, или предаваться пищеварению лёжа, если есть время и желание прикорнуть на свежем воздухе, не думая, что тебя заберут менты и отпинают в отделе. Заходим в дверь, обрамленную зеркальным пластиком. Внутренняя обстановка напоминает быстрые рестораны «Дача», и гостям предлагается fast-food, много мяса, залитого с головой соусами, но, к сожалению, полностью отсутствует горячее первое. Запиваем все это газировкой, которая чуть позже так и просится наружу. Понятно теперь, почему европейцы и европейки такие большие ребята!

Местность Katzenstein, куда мы прибыли на очередную экскурсию, представлена могучими буковыми лесами, в которых древние германцы успешно прятались от римлян, ведя партизанскую войну. Огромные деревья тянутся к солнцу, а ноги путешественника утопают по щиколотку в мягком ковре опавших иголок, полностью скрывающем растительность низших ярусов.

Маленькие комары, невидимые глазу, атакуют со всех сторон. Одного такого комара мы смотрели в электронный микроскоп сегодня утром. Прибор увеличивает изображение более чем в двадцать тысяч раз, занимает целую комнату и стоит целую кучу денег, причем, если такая вещь ломается, то мастеру, живущему в другом городе, платят за каждый километр пути помимо работы. Наверно, накладно будет угробить такой в России...

На выходе из леса открывается взгляду озеро «Kamnader Stausee», названное в честь одного капитана, совершившего, видимо, много подвигов, а по его поверхности, медленно качаясь, плывет речной трамвайчик, рассекая волны винтом. Белый и черный лебеди подплывают к стоящим на берегу людям и клюют куски ржаного хлеба, размокающего в теплой прогретой воде. Набережная с небольшой пристанью и поселок на другом берегу кивают русским туристам. Прекрасное место, где не жалко прожить всю жизнь с любимой и умереть с нею в один день. Чуть позже, чем она, разумеется.

22 июня Zoo Gelsenkirchen

Первая половина дня ничем не отличалась от той, что была вчера: завтраки, лекционные и практические занятия. Так будет каждый день.

После обеда направляемся в зоопарк города Гельзенкирхен, название которого сразу и не выговоришь. Этот потрясающий зоопарк вмещает в себя ландшафты и фауну от африканской саванны до арктической тундры. Здесь я впервые увидел: живого тапира, бегемота, впечатлившего размерами клыков и надменным уходом на глубину, стаю отвратительных гиен, больших шимпанзе, трясущих мускулистыми руками свои клетки и орущих наподобие взбесившегося шакала Табаки (слава богу, они не вырвались оттуда, а то я вспоминаю, как убегал в детстве от пьяной, похожей на обезьяню самку подъездной соседки, окно которой разбил футбольным мячом), мадагаскарских оранжевых лемурув, которых нам позволили покормить арахисом с руки, и молодую пару черноглазых жирафов, величественно шествующих и раскачивающих своими длинными шеями в такт ходьбе.

Здесь у меня закончилась пленка фотоаппарата, и я подумал о том, что закон подлости распространяется на все территории земного шара. Гид, сладкий, как раствор инверсионного сахара, рассказывал обо всем увлеченно, а в конце экскурсии подарил нам брошюры о зоопарке. К большому неудовольствию Негг майора, мы всё-таки заехали сфотографировать Shalke Arena (об этой возможности я ненавязчиво просил ещё вчера в Бохуме, когда мы помогали Патрику разгружать целый грузовик продуктов и выпивки, оставшихся после университетского выпускного). Оказывается, там можно возвращать нераспакованные продукты, и тебе вернут заплаченные деньги, не послав куда подальше. Mamma mia! Единственное, что не удалось из-за начальства, купить плёнку и сфотографировать стадион, ведь и у Патрика фотоаппарат как на грех разрядился, но всё равно я был счастлив как ребенок, когда вернулись домой.

Фрау Кнопф приготовила шикарный ужин на воздухе – пальчики оближешь, и мы облизывали их и стальные вилки, уничтожая кастрюлю спагетти с мясным соусом и салатом из свежих овощей, а на десерт поглощая мороженое и пудинги. Не чокаясь, выпили стаканы с колой за великий и несгибаемый народ, заплативший страшную цену за то, чтобы их внуки могли сидеть вот так, под сенью экзотического сада с теми, кто был по другую сторону баррикад шестьдесят лет назад. Вечная память и низкий поклон...

23 июня Ostwestfalen

Встали ни свет ни заря, чтобы успеть к 7:30 утра на место сбора перед очередной экскурсией. Предстояло преодолеть на автобусе, готовом разорваться на части от трескотни немецкой речи 170 км до района Ostwestfalen, где предполагалось изучать региональную растительность.

Едем, мягко качаясь и обозревая окрестности, достойные украсить галерею фотохудожника. После часа езды дорога стала хуже, появились мелкие кочки и рука, пишущая эти строки, затряслась мелкой дрожью больного малярией человека, размазывая чернила по клеткам тетради. За окном большая клумба в центре кругового разъезда пестрела красными маковыми бутонами, а вдалеке раскинулось коварное маковое поле. На другой стороне дороги десятки ветряных электростанций размахивали своими крыльями, разгоняя дополнительные воздушные потоки, трансформируя энергию ветра в электричество и питая весь Ruhr...

В лесу мы разбились на несколько групп, каждой из которых раздали планшеты, площадью 1 м² для ограничения территории и ведения подсчетов на ней растительных экземпляров. Всего 12 исследуемых квадратов. На втором этапе работы изучался почвенный горизонт, посредством забивания в землю метрового стержня, отверстия в котором позволяют увидеть переходы от верхних плодородных слоев серых подзолистых почв до бесплодной глины. Кислотность определяется наличием карбонатов, обнаруживаемых добавлением к почвенным образцам соляной кислоты, вызывающей «вскипание» вследствие выделения углекислого газа, и колориметрическим методом с помощью полевого рН-метра.

Выходим из леса к небольшой речке с быстрым течением и холодной водой. Один из студентов, готовый отдать жизнь за своего профессора, лезет в реку за редким флористическим объектом. Красавец. Первая коллективная фотография запечатлевает улыбающуюся интернациональную группу на веки вечные. Речка, убегая, скрывается в лесу, и мы идём за ней, как за красивой длинноногой девушкой. Она одаряет нас загадочными улыбками, выводя к небольшому водопаду.

Продолжая путь, доходим до лесного озера, заросшего по краям осокой, с чистой водой и глубиной не более метра, так что отчетливо видно илистое земляное дно. Подземные термальные ключи вздымают воду, вызывая кипение в отдельных местах. Насмотревшись вдоволь на красоту местной природы, направляемся к томящемуся в сладостном ожидании автобусу и возвращаемся в университет.

На вечер запланирована дискотека в студенческом клубе, и, чтобы скоротать время, Штефан везёт нас в свою квартиру в Бохуме. Две уютные комнаты, гостеприимно предоставленные любезным хозяином, помогли отдохнуть от долгой дороги. Штефан, Патрик и Сара (люди, заботливо принявшие нас и ставшие друзьями) пошли за пиццей в магазин, оставив нас совсем одних (!) в своем доме, на что я бы на их месте никогда не отважился.

Впрочем, такое здесь в порядке вещей, и, когда люди живут в достатке, у них нет резона воровать друг у друга, да и не приходит в голову такая мысль, поэтому часто встречаются открытые дома и окна, как-то не очень удивляют кабриолеты, за рулем которых бабули развивают приличную скорость на дорогах, водители, пропускающие тебя, даже если ты идешь на красный свет. И ещё полиция, практически не видная, появляющаяся тогда, когда это действительно нужно и действительно защищающая тебя. От неё не обязательно держаться подальше...

Поужинав и приняв душ, приехали на вечеринку в клуб, где радовались жизни до

полвторого ночи, пробуя настоящее баварское пиво и отрываясь под агрессивные треки Rammstein и подобных ей групп. Два парня с огромными шевелюрами иступленно трясли головами, другие же подпрыгивали вверх, едва не пробивая головой потолок. Мы старались не отставать от них и повеселились славно, окунувшись в атмосферу местного студенческого расслабона.

24 июня der Botanischer Garten

...Стоим в теплице, похожей самолетный ангар и рассматриваем кактус, величиной с кухонную табуретку и иглами не менее двух сантиметров, который называется «тещин стул». Да уж, сядешь – не поздоровится! Сквозь полупрозрачные стекла виднеется солнце, стоящее в зените. Здесь поддерживается температура и влажность тропиков, так что дышать просто невозможно, а добавьте сюда москитов, крокодилов, змей, львов и леопардов и получите экваториальную Африку в самом сердце Европы! Не знаю, кто как, а лично я проникся уважением к выносливости жителей тропических широт и мангровых болот Индонезии. Лианы вьются, обнимая друг друга за шею и намереваясь зацепить за ногу неосторожного первопроходца, экзотические птицы перелетают с одного дерева на другое, сливаясь с банановыми гроздьями, а колбасные и ананасовые деревья возбуждают желание полакомиться их плодами.

Ландшафты сменяют другу друга, презентуя флору и климат своих стран. Вот перед нами мексиканская пустынная равнина с извилистыми узловатыми кактусами высотой в человеческий рост, растущими из песков и камней. Вот шанхайский сад на воде с маленькими пагодами, способными вместить несколько человек и расплывшимися по гладкой водной поверхности листьями лотосов, распустивших свои цветастые бутоны, по которым хочется прыгать, сокращая путь, не переходя по тонким каменным тропинкам и мостикам над водой. Вот перед нами цветущие степи средней полосы России, представленные живописным ковром клевера, ромашек и васильков. Вот стелющиеся ковыли южных районов, представленных секвойей, папоротниками и пальмами. Здесь нет, пожалуй, только растений северных широт, но и от увиденного голова идет кругом: сколько же терпения и труда нужно, для того чтобы воссоздать весь этот растительный рай и поддерживать его жизнеобеспечение!

После ботанического сада нас предоставили на два часа самим себе для прогулки по территории университета и осмотра его окрестностей. Мне это помогло подумать обо всем, собрать впечатления в упорядоченную систему, на что практически не было времени, так как экскурсии, лекции и практические занятия сменялись вечеринками и совместными прогулками, и оставалось лишь несколько свободных часов для сна и восстановления сил. По моему мнению, это абсолютно правильный подход, потому что надо увидеть как можно больше, а выспаться можно и дома.

Вечером поехали смотреть замок Altena в окрестностях Бохума. Его каменные квадратные башни были увенчаны короной заходящего солнца и медленно плывущих на легком ветру кучевых облаков. Долго поднимались наверх, опираясь друг на друга, проходя через старинные ворота, очень большой двор с чугунным орудием, вымощенный брусчаткой, на территории которого за деревянными столами, накрытыми разнообразной снедью, что-то праздновали одетые в неизвестную униформу немолодые мужчины и женщины. Играл живой оркестр, они пели песни, периодически смачивая горло порциями пива, и им было безумно хорошо.

Мы идем дальше, сквозь темные сырые коридоры и комнаты, обставленные двухъярусными деревянными солдатскими койками и застекленными шкафами, заключавшими в себе доспехи, холодное и огнестрельное оружие прошлых веков. В одной из комнат можно было надеть настоящую кольчугу и шишаки и сразиться со стоящим рядом коварным и жестоким рыцарем на деревянных мечях.

В конце долгого пути на самую высокую башню забрались воины двух национальностей, готовые оборонять замок до последнего вздоха, спасая от разорения этот благодатный край, его дома и жителей, желтые колосистые поля, разделенные надвое рекой Ruhr, величественной и холодной, и маленьких беззащитных оленят, пасущихся у

воды. На горизонте лежал город, в котором мы провели большую часть этих дней. Они не забудутся никогда. Поверьте, никогда.

25 июня Duisburg-Meiderich

Гладкая серая кожа неба с небольшими морщинами и прожилками сосудов черных туч предвещала пасмурный день. Выходные начались с мелкого морозящего дождичка, полезного для растений в саду, но не добавляющего радости нам.

С самого утра едем за покупками в торговый центр. Он занимает не одно здание, а целый квартал. Договорившись встретиться у желтого высоченного шпиля в самом центре в определенное время, расходимся для поиска заморских товаров и совершения финансовых операций.

Очень много одежды выставлено прямо на улице. Ты выбираешь то, что тебе понравилось, заходишь вглубь здания и расплачиваешься за всё. Можно выбирать внутри магазина, присматриваясь и примеривая самостоятельно, без жужжания над ухом третьих лиц, пока не найдешь то, что тебя интересует. Поверьте, это очень комфортно, и никому не приходит в голову воровство. Электроника лежит запакованная, у кассы оформляются гарантийные документы, и происходит оплата. Берешь коробку и идешь домой без потери темпа.

После покупок едем в Duisburg смотреть гигантский завод, работавший лет двадцать назад на полную мощь, а ныне закрытый. В огромных и впечатляющих конструкциях выплавлялась и обрабатывалась сталь, шедшая на нужды военной промышленности во вторую мировую войну, и это сообщение вызвало не самые радостные ассоциации.

В настоящее время завод устарел и не функционирует по прямому назначению, но не гниет под открытым небом, поскольку немцы очень практичны и стараются заработать на всем. Бывший промышленный гигант используется для проведения исторических экскурсий, рок-концертов и занятий альпинистов, тренирующихся в восхождении на большие кирпичные серые стены, и этот процесс мы могли наблюдать своими глазами.

В пасмурном небе летел могучий винтовой самолет, похожий на знаменитые Б-17, и казалось, что вот-вот начнутся бомбардировки, когда-то стершие с лица земли Дрезден. И группа, как задорный кокер-спаниель, тревожно шевелила ушами на ветру, который приводил в движение лопасти огромного флюгера. Ему вторил нарастающий гул моторов одного из многочисленных сложных орудий, используемых человеком для уничтожения и смерти...

26 июня Düsseldorf

В окрестностях города Iserlohn есть очень красивые пещеры, называемые Dechenhöhle, спрятавшиеся в небольшом пролеске от посторонних глаз, с уводящими в глубокое подземелье коридорами, погруженными во мрак и холод. Мы спускаемся вниз по каменным ступеням, высеченным в скале человеческими руками и отшлифованным временем. Больше всего напоминают о человеческом участии вмонтированные в стены освещающие путь фонари, без которых немислима обратная дорога на волю.

С потолка и стен сползают длинные и вьющиеся сосульки сталактитов, а навстречу им рвутся снизу сталагмиты, в течение десятилетий прибавляющие несколько сантиметров роста. Карбонатные слои образуют причудливые формы на скалах: миниатюрные волшебные дворцы; раковины ископаемых животных; загадочные острозубые оскалы стен, блестящие в полумраке; изрубленные ударами мечей огромных великанов гавани, заполненные ледяной и чистой водой пещер.

Мы спускаемся все глубже и глубже вниз, под землю. Таинственная дорога оканчивается у отгороженного провала, за которым непроглядный мрак пропасти. Маленькая и симпатичная Ариадна ведет нас наверх, где её ждет следующая группа туристов. Наши тени скользят по поверхности стен, играя друг с другом в прятки, и сотни невидимых жителей расщелин и впадин желают нам счастливого пути на землю, пронзенную копьями солнечных лучей и тепла, дарующего жизнь растениям, животным и

человеку...

...Несколько вагонов поезда послушно тянутся за электровозом и наполнены пассажирами, едущими в Дюссельдорф, где родился немецкий поэт Г. Гейне, посвятивший немало произведений Рейну, омывающему берега родного города. В тамбуре поезда спокойным голосом ругалась матом русская пара, решая насущные семейные проблемы.

Дорога заняла около часа. От вокзала до центра города можно дойти в течение нескольких минут. Главная улица Königstrasse тянется на несколько километров, а широкая дорожная магистраль сужается ближе к концу улицы, наполненной многоэтажными и упакованными в пластик торговыми центрами с поистине королевскими ценами на витринах, правительственными зданиями с припаркованными на стоянке дорогими машинами, облепившими их, как пчелы – ульи, в зеркальных отражениях капотов которых можно увидеть наши юношеские лица, согретые надеждой на счастливое будущее.

Углубляемся дальше, спускаясь по тротуарной прямоугольной плитке, спаянной так плотно, что шпильки дам не пронзают места их соединения. У светофора, стоящего близ трехметровой черной колонны, снабженной циферблатом часов со свисающими с него золотыми серьгами, мелко задрожала серебристая Lamborghini, готовая к спринтерскому рывку по располосованному шоссе.

На улице гуляет много людей. Мы вышли на набережную Рейна, спокойно и величественно катящего свои воды. Над рекой возвысились вдалеке длинный мост и телевышка, вытянувшаяся в струнку и ставшая «на караул». На асфальтовой набережной сидели влюбленные пары, мило воркуя и смотря на воду, позолоченную заходящим солнцем, совершившим свой традиционный путь с востока на запад. Мимо прошла груженная баржа. Факел заката догорал на небе, и великая река, на которую можно смотреть бесконечно, темнела, погружаясь в сон.

Нагулявшись вдоволь, зашли посидеть в MacDonald's, и, пока смуглая, красивая и загадочно улыбающаяся официантка разносила пиво и гамбургеры, обсуждали события сегодняшнего дня. Девушка оказалась уроженкой Тбилиси и, заметив триколор на рюкзаке моего лучшего друга, давшего мне его в эту поездку, заговорила с нами. Мы здорово пообщались с ней по душам и сфотографировались на память. Всё-таки очень приятно встретить бывших соотечественников так далеко от дома, по которому уже успели немного соскучиться, хотя нам очень хорошо здесь, ведь наши друзья делают все, чтобы мы были счастливы и довольны жизнью. Спасибо им за все!

27 июня Westfalen stadion

Сегодня мы не пошли на занятия по геоботанической практике. Вместо этого была организована экскурсия на химический факультет, о которой нельзя не упомянуть, поэтому незаинтересованный читатель может со спокойной совестью пропустить следующие три абзаца, ничего не потеряв при этом. Или же набраться мужества и пойти дальше с автором этих строк, который не может не выразить восхищение стойкостью тех, кто прочитал немалое число страниц текста без единой диалоговой встряски!

Химический факультет занимает целое девятиэтажное здание и оснащен по последнему слову техники. В лабораториях содержится всё необходимое для работы, и не надо бегать по аудиториям в поисках реактивов и колб, умолять о приборах суровых лаборантов, что сокращает время проведения экспериментов в разы и дарует ощущение восторга и трепета Алладину, спустившемуся в подземные сады за заветной лампой. К столам, внутри которых находится всё, что используется для проведения лабораторных и практических работ, подведен газ, вода и аппарат для отгонки воздуха.

С группой школьников мы проводим ряд операций над карбонатом кальция, называемым здесь kalk, используя свой богатый опыт. Они приходят сюда на химию дважды в неделю по договору с университетом, и конечно, могут значительно расширить свои возможности в рамках эксперимента. Подготовив основной опыт, некоторые дети начали кататься на откидных офисных креслах, а часть отважных юношей, вооружившись пластиковыми бутылками наподобие тех, из которых футболисты пьют воду, устроила

организованный водяной обстрел девчонок, прятавшихся за нашими спинами, акцентируя основное внимание на накрашенной, что не характерно для немок, ученице Vivian⁴.

Преподаватели смотрели на весь этот бедлам с понимающей улыбкой, а нам было немного в диковинку такое, и даже пострадавшая больше всех девушка с французским именем была в некоторой степени довольна проявлением мужского внимания, вытирая мокрые вьющиеся темные волосы и улыбаясь жгучими карими глазами...

...Вечером поехали смотреть стадион. Извилистая дорога, снабженная многочисленными круговыми разворотами, ведет к нему. Патрик сказал, что такая замысловатость дорожных путей сделана для того, чтобы сгорало больше дорогого бензина, и чаша арены, кажущаяся столь близкой на расстоянии, на самом деле далека.

Вблизи он действительно велик. Огромными желтыми буквами написано название, а внизу преграждают путь многочисленные закрытые турникеты. Единственный открытый сезам, ведущий внутрь, нашел после серии отчаянных попыток тот, кто больше всего искал. Прошли сквозь ресторан, где была в самом разгаре какая-то вечеринка, и вышли на высокие трибуны, между которыми втискивается прямоугольник поля с изумрудно-зеленым газоном. Сбылись мои мечты, и я фотографировал всё подряд с мальчишеской радостью, а улыбающийся Патрик не знал, что где-то существуют «Трудовые резервы». Возможно, покажется странным, но заочное прикосновение к будущему чемпионату мира оставило ярчайшие впечатления на всю жизнь в душе искреннего поклонника великой игры, объединяющей народы всего земного шара.

Назад идем через тот же ресторанчик, намереваясь сфотографироваться с командой из восковых фигур в форме футболистов дортмундской «Боруссии», и Патрик уже заносит руку с фотиком, когда к нему подходит охранник и начинает о чем-то говорить. Понимаю, что дело плохо. Он грозит вызвать полицию, так как эта вечеринка, оказывается, закрытая и наше проникновение незаконно. Для полного комплекта впечатлений остается только провести ночь в местном участке! Патрик нажимает кнопку, негостеприимное пространство зала озаряет яркая вспышка, и мы тут же сматываем удочки.

На обратном пути заезжаем в центральный парк Дортмунда, погружаясь в прохладный полумрак позднего вечера. Вход в парки платный, но они великолепно ухожены: все в цветах, с чистыми дорожками и многочисленными скамейками, с подстриженными газонами и кустарниками, часто – с искусственными водоемами внутри. В огромном фонтане плещутся розовые фламинго, чистящие длинными клювами перья, готовясь к романтическому променаду. В одну из стен, огораживающих парк, вмонтированы огромные аквариумы с экзотическими породами рыб, а над ними, как фонари, висят цветочные горшки с желтыми, красными и синими цветами. Чуть дальше построилась рота цветущих кустарников в человеческий рост с ружьями наперевес.

В центре парка стоит телевышка, и мы поднимаемся на нее в лифте. Её ствол покрыт многочисленными надписями на разных языках мира, среди которых к неопишуемому восторгу находим и родную из трех букв. Оставляем послание для будущих поколений.

Внизу, насколько хватало глаз, раскинулся засыпающий город. Не дремал только гигантский паук стадиона, оберегая покой родных жителей. Мигали фонари и звезды, предвещая новый день нашего пребывания здесь, на этой земле, и месяц, совершающий ночной обход, приветливо и дружелюбно кивал на высоте, недоступной даже для сильных крыльев птиц...

28 июня der Party bei Stefan Schreiber⁵

Сегодня отписали последние лекции и закончили цикл практических работ. Наша выездная практика подходит к концу, и послезавтра мы улетаем в Россию.

Есть возможность несколько часов побыть дома. Потихоньку начали собираться с

⁴ Перед занятиями надеваются халаты, на которые наклеивается табличка с именем учащегося, и пластиковые очки, защищающие глаза – обязательные меры по технике безопасности (прим. авт.).

⁵ Вечеринка у Штефана Шрайбера (нем.).

Максом, упаковали основную часть вещей, подарки родным и близким, так как нам сказали, что завтра уедем во Франкфурт-на-Майне до позднего вечера.

Патрик и Штефан приготовили великолепную индейку, спагетти, рис, заправленные мясным соусом, и салат из свежих овощей. Вся еда была невероятно вкусной, доказывая высочайший класс поваров!

На вечеринке была девушка с многоговорящим, но немного не законченным именем Debbie в футболке, вопиющей “Fuck racism” (двумя руками за) желтыми буквами на черном фоне. Между словами рыбий скелет в большом круге символизировал крах расизма в самом скором будущем. Весь вечер она упражнялась в произношении матерных слов, которым начала учиться ещё в Дюссельдорфе, и к ночи добилась больших успехов, а потом решила составить влюбленные пары из мужского населения комнаты. Хочется пожелать ей всего хорошего в поисках настоящей женщины и пусть однополая любовь будет с ней всегда и везде.

На эту последнюю вечеринку пришло много народу, и мы сидели вот так последний раз, прощаясь в этот вечер со многими, отчего присутствовала лёгкая грусть с примесью надежды. Мы ведь ещё когда-нибудь вернёмся сюда, правда?

29 июня Frankfurt-am-Mein

Город жил в предвкушении большого футбола. Сегодня вечером здесь должен был состояться финал кубка Конфедераций-2005 на все времена: Бразилия-Аргентина. Улицы города выбросили желто-зеленые и сине-бело-полосатые флаги перед двумя армиями болельщиков, заполонивших центральные и периферийные районы, так что проблематично было найти свободное кафе или ресторанчик.

В шумных раскатах испанской и португальской речей, сливавшихся в единую словесно-пулеметную очередь, тонули машинные моторы и наши голоса. Слова вылетали из распаленных жаждой разговора ртов как пули, и было проблематично услышать друг друга на расстоянии нескольких метров.

Именно здесь мне впервые удалось окунуться в атмосферу больших болельщицких карнавалов, которые сопровождают крупный выезд или серьёзное дерби, а уже через несколько лет улицы родного города будут сходить с ума, празднуя выход сборной России в полуфинал чемпионата Европы по футболу и победу в феерическом матче над голландцами. Здесь же, несмотря на предвкушение предстоящего праздника, после финального свистка арбитра одна сторона будет разочарована и убита поражением и покинет город.

Франкфурт не зря называют немецким Нью-Йорком: не только из-за больших размеров и многочисленности населения. На крышах больших и современных небоскребов, непохожих друг на друга и устремляющихся ввысь, вы можете коснуться рукой синего неба и сорвать белую пушинку облаков. В этих зданиях концентрируется значительная часть деловых корпораций и бизнес-центров. Их очень много и они показывают торжество человеческой цивилизации и эволюционный прорыв техно-разума, пытающегося достичь и превзойти совершенные природные творения и максимально приблизится к естественному чуду.

Лифт, везущий нас наверх, скользит в позвоночном канале одного небоскрёба, выросшего в небо на пятьдесят пять этажей, и ставшего на носки, чтобы казаться выше – совершенно круглого и узкого по геометрии, больше напоминающего колонну, поставленную в честь какой-либо великой победы, чем огромный дом.

На крыше работает телевизионная группа, снимающая какой-то репортаж, и огромный город лежит у наших ног. Среди игрушечных отсюда обычных домов, кажущихся совсем маленькими и плоскими, стоят настоящие великаны, очень осторожно переступая с ноги на ногу, чтобы не раздавить малышей. Голубой шов Майна прострочен тонкими серыми нитками мостов, по которым едут игрушечные автомобили. Кажущиеся с огромной высоты мошками люди густой рекой двигаются по тротуарам, иногда пропадая под сенью зеленых насаждений, каким-то чудом оставшихся невредимыми и нетронутыми рукой человека.

Спускаемся вниз и продолжаем прогулку по городу, натываясь на административные здания, посольства и торговые центры во всем разнообразии. Заходим в один из ТЦ. Девять этажей удобно преодолевать на движущемся эскалаторе, а длина здания равна расстоянию полёта стрелы, пущенной Иван-царевичем, так что обойти его целиком весьма проблематично. Сидя в небольшом кафе, наблюдаем за двумя разноцветными потоками, направляющимися к белющему вдали стадиону.

Постепенно темнело. Мы загрузились в машины и погнали домой по бесконечному и ровному шоссе. Всё время, убегающее с последними лучами солнца, пока хватало видимости, было потрачено на заполнение хаотичными и сумбурными записями своего дневника, уставшего от постоянного царапания и орфографического невнимания. В густой темноте закрылись глаза, залитые мраком ночи, и лишь шуршание шин и легкое гудение мотора заставляли сознание работать в режиме non stop, не давая душе вырваться из мчащегося авто и облететь ещё раз те места, где мы побывали за эти дни и где провели незабываемое и счастливое время...

30 июня der Abflug nach Russland⁶

Пришла пора расставаться с замечательной страной и домом Патрика, ставшего родным и близким, с нашими прекрасными друзьями, которых мы встретили здесь, с добрейшей и заботливой frau Knopf, с ласковой собакой Джеки, всегда радующейся нашему возвращению из поездок, с чудесным садом и равнодушными японскими карпами, бьющими на прощание хвостами по воде...

Мы обнялись на прощание, и комок подступил к горлу. Самое лучшее, что может скрасить печальный миг - это новая встреча, в России или здесь - неважно, но только черствые люди могут после всего, что было, остаться безразличными друг к другу. Надеюсь, мы не потеряем на запутанных жизненных дорогах, тем более в глобализующемся мире сделать это гораздо сложнее. СПАСИБО ВАМ ЗА ВСЕ, ПАТРИК, ШТЕФАН, САРА, АРМИН, ДОРОГИЕ НАШИ ДРУЗЬЯ, И ДО НОВОЙ СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!..

Мы улетели в компании мрачного Негг майора в любимую и далекую страну, надо думать, безмерно соскучившуюся по нам. Туда, где мы родились и прожили всю жизнь. Самолет садился в проливной дождь и, слава богу, он всё-таки сел благополучно.

На выходе из метро изобретательно матерились на весь квартал две пожилые женщины, а наркоман в подземном переходе, заваленном окурками и пивными бутылками, ждал прихода молекулярной феи сквозь поры обколотых вен. Сразу почувствовалось - мы дома.

Поскольку начальство не позаботилось взять билеты на поезд заранее, то в разгар курортного сезона мы были обречены ночевать на Курском вокзале и очень дешево отделились, проведя время до утра за игрой в карты, без потерь для здоровья и денег. Подчеркиваю этот момент для тех, кому неизвестно изобилие темных личностей, кишущих повсюду в этом месте и занимающихся своим «романтическим» ремеслом при пассивном участии милиции, непонятно зачем существующей вообще.

Спустя сутки мы обнимали своих родителей и друзей, рассказывая всё то, что вы уже знаете, и о тех, кому мы стольким обязаны за столь счастливое времяпровождение, за эти двенадцать дней за границей, пугающей в начале и столь комфортной для цивилизованного и прагматичного человека...

...На этом записи моего дневника обрываются, и я больше не смею утомлять терпеливого и доброго читателя, дошедшего со мной до конца.

Дождь за окном давно прошел, и улица Ленина полна народа, вдыхающего озонированный после грозы воздух. Пары держатся за руки, проходя под моими окнами. Молодой месяц на небе зажигает звезды, одну за другой, как далёкие газовые свечи. Деревья переговариваются шуршанием своих листьев, повествуя соседям о событиях

⁶ Отлёт в Россию (нем.).

сегодняшнего дня. Облака целуют в губы крыши домов, желая им спокойного сна в эту лунную ночь, полную мечтаний для каждого, кому не спится. Мечты обязательно должны сбываться, делая нас счастливыми. А человек рожден для счастья и погружения в сказку. И здорово, что так и есть...